

УДК 130.2

DOI: 10.18101/1994-0866-2018-1-3-71-78

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА «МОЛОДЕЖНАЯ СУБКУЛЬТУРА» В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВОЗНАНИИ

© **Бадмаева Мария Валентиновна**

доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии,
Бурятский государственный университет,
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: badmaeva_maria@mail.ru

© **Соколова Светлана Сергеевна**

аспирант,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: sokolovasvetlana.93@mail.ru

Статья посвящена эволюции интерпретации понятия «молодежная субкультура», отражающего одно из наиболее распространенных явлений в жизни современного социума. Особое внимание уделено рассмотрению данного концепта в Чикагской школе, отождествлявшей субкультуру с девиантным поведением, исследовавшей мотивы протестных настроений молодежи, изучавшей причины формирования и существования молодежных субкультурных образований. Изучены основные тезисы представителей Бирмингемского центра культурных исследований, считавших, что молодежная субкультура не всегда противостоит доминирующей в обществе системе ценностей и отстаивавших идею о многообразии и разнообразии молодежных субкультур. Рассмотрены современные представления о субкультурах как о неоплеменах, стилях жизни, сценах, милье. Сделан вывод о принципиальном изменении в современном обществе природы субкультур, многообразие которых свидетельствует о жизнеспособности и устойчивости социального организма.

Ключевые слова: общество; социальная структура; субкультура; молодежная субкультура; этническая субкультура; Чикагская школа; Бирмингемский центр культурных исследований; неоплемена; стиль жизни; милье.

Впервые молодежные субкультуры стали предметом научного исследования в 1900–1930-е гг. XX в. в США. В этот период представители ранней Чикагской научной школы в социологии рассматривали субкультуры исключительно как сообщества, объединяющие молодежь, ведущую девиантный, асоциальный, преступный образ жизни. Они сделали вывод, что появление девиантных субгрупп (субкультур), таких как наркоманы, бандиты, грабители и т. п., есть свидетельство и результат деградации традиционных социальных институтов, в первую очередь семьи, церкви, школы, которые утратили какое-либо значение и влияние на молодое поколение и более не способны удерживать его под контролем.

Исследования Чикагской школы позволили в 1947 г. американскому социологу Милтону Гордону сформулировать определение понятия «субкультура», которое, по мысли ученого, представляет собой кластер национальной культуры, рожденный сочетанием отдельных социальных условий, таких как классовый статус, регион и тип проживания, этническое происхождение, религиозная при-

надлежность, которые в совокупности образуют функциональное единство, оказывающее цельное воздействие на человека и формирующее его ценностные ориентации [13].

В 1940–1950-х гг. изучение субкультур получило развитие в рамках теории аномии Э. Дюркгейма и его последователя Р. Мертона. Согласно их точке зрения, причиной отклоняющегося поведения молодежи является несоответствие между провозглашенными в обществе культурно санкционированными целями, идеалами и социально одобряемыми средствами их достижения. Все это обуславливает фрустрацию и невозможность в дальнейшем ощущать себя причастным к данному обществу и, как следствие, противоправное поведение.

Таким образом, исследователями было установлено, что возникновение субкультур связано с недостижимостью успеха в обществе посредством принятых и социально одобряемых им способов действия. Это вынуждает молодежь объединяться в сообщества, в группы, отличающиеся собственной системой ценностей, норм, идеалов, противоположных и противостоящих традиционной, доминирующей Большой культуре.

После Второй мировой войны Дж. Мид и Г. Блюмер, развивая идеи предшественников, разработали теорию символического интеракционизма, согласно которой представления о субкультурах возникают на основе «символических коммуникаций» (интеракции), то есть общения и взаимодействия, осуществляемого при помощи символов: языка, телодвижений, жестов, культурных символов и т. д. [1]. Дж. Мид делает акцент на жестах как значимых символах. Жест он понимает как «движение первого организма, действующее в качестве особых стимулов, вызывающих социально принятые реакции второго организма. Жесты становятся символами, когда вызывают у производящего их индивида реакцию того же типа, который предположительно вызовут у тех, кому адресованы жесты» [6]. Г. Блюмер делает акцент на символах — социальных объектах заменяющих другие объекты, согласно общественной договоренности. Например, кулак — символ агрессии, автомобиль с определенным лейблом — символ высокого статуса или дохода [5].

Таким образом, посредством символов (манеры общения, жестов, стиля одежды, жаргона и т. д.) у человека появляется возможность заявлять или делать вывод о принадлежности к той или иной субкультуре. Чаще всего это происходит неосознанно. Однако в некоторых случаях имеет место сознательное использование символов, когда для представителей субкультуры важным и значимым оказывается, например, отношение «свой — чужой». Так, криминальные субкультуры используют жаргонную лексику, идентификация членов гомосексуальных субкультур может осуществляться по многим символам, в том числе посредством элементов одежды в радужном цвете и т. д.

В недрах Чикагской школы возникла и такая популярная теория, как теория стигматизации (наклеивания ярлыков). Ее представителем, в частности, является Г. Беккер, считавший, что в основе девиантного поведения лежит не психологическая предрасположенность, а процесс социализации. Он писал, что «сами социальные группы создают девиацию, поскольку они следуют правилам, нарушение которых считается девиацией; кроме того, они навязывают эти правила определенным людям, которым «наклеиваются ярлыки» аутсайдеров. С этой точки зрения девиация — не качество поступка, который совершает человек, а, скорее, следствие применения другими людьми правил и санкций против

«нарушителя» [7]. Для подрастающего поколения это опасно тем, что при проявлении девиации во время поиска себя и социализации в обществе окружением могут быть наклеены ярлыки, которые будут определять его как нарушителя и отношение к нему будет соответствующее, хотя по сути своей он им не является. При таких условиях общественного порицания и обвинения индивид может сам принять себя как нарушителя и будет вести себя в соответствии с «наклеенной» на него ролью.

Таким образом, исследователи Чикагской школы ассоциировали молодежную субкультуру с девиантным поведением. Они уделяли особое внимание изучению причин такого поведения, находя их в отсутствии во многом объективной возможности обрести необходимые средства и ресурсы, которые Большое общество рассматривает как нужные и даже необходимые для достижения успеха. Было установлено, что при появлении некоего общественного порицания и демонстрации несоответствия принятым в обществе ценностям молодежь может создавать собственную систему ценностей, альтернативную, а в некоторых случаях противостоящую доминирующей культуре. Ученые также пришли к выводу, что в таких условиях представители молодежных субкультур с помощью особых символов идентифицируют друг друга, отличают своих от чужих, а также рассмотрели различные реакции Большой культуры на представителей субкультур.

Если Чикагский университет был центром изучения субкультур в США, то Бирмингемский центр современных культурных исследований (Centre for Contemporary Cultural Studies, сокращенно — CCCS) в 1960–1970-е гг. стал центром изучения субкультур в Великобритании.

По мнению Д. Кларка, С. Холла, Т. Джефферсона и Б. Робертса, молодежные субкультуры представляют собой социальные группы, которые отличаются четко выраженные формы специфической деятельности, общие интересы, общие возрастные и поколенческие признаки, а также занимаемая ими территория [10]. Молодые люди, собираясь в субкультурные группы, стремятся преодолеть свою классовую принадлежность, символически демонстрируя восходящую или нисходящую мобильность посредством соблюдения определенного стиля одежды и поведения.

Другими словами, бирмингемские исследователи при анализе молодежных субкультур подчеркивали явление солидарности рабочего класса, а позднее и политической идентичности.

Например, Р. Уильямс, занимавшийся исследованием молодых мужчин-пролетариев, которые зачастую являлись представителями таких субкультур, как рокеры, тедди-бои, панки и др., говорил о том, что эти группы пытаются подражать высшим слоям общества, как бы поднимаясь над своим происхождением из социальных низов, из рабочего класса. Безусловно, они не могут существовать вне исходной культуры, к которой принадлежат по рождению, и вне ценностей, которым они противостоят. Но использование своих особых групповых отличий (например, элементов одежды) позволяет им временно разрешить существующие социальные противоречия и выработать собственную уникальную идентичность.

Бирмингемская школа состоит по большей части из критиков и литературных теоретиков междисциплинарных программ, опирающихся в толковании субкультур на К. Маркса и неомарксистов, а также на теорию структурного функционализма. Одним из значимых достижений Бирмингемской школы стала

идея о том, что появление субкультур связано с ограниченным доступом молодежи к социальным ресурсам в силу определенных «структурных условий»: несовершеннолетнего возраста, недостаточного опыта, отсутствия необходимых знаний и навыков и т. д. Объединение в субкультуры дает молодежи некую альтернативную возможность получить признание своей индивидуальности, идентификацию с группой, «карьерный рост» [4].

Другой не менее важный результат Бирмингемской школы состоит в критическом переосмыслении ею сущности молодежных субкультур. Еще в 1940-е гг. социолог Д. Рисмен высказал идею, суть которой заключается в существовании малых протестных культурных групп внутри доминирующей культуры. Такие группы получили у него название «молодежные субкультуры» [2].

П. Уиллис (Бирмингемская школа), настаивая на том, что молодежная субкультура не обязательно и не во всех случаях противостоит доминирующей в обществе системе ценностей, предложил использовать понятие «контркультура», введенное в 1960-х гг. Т. Роззаком и обозначающее упорядоченное, идеологически целостное мировосприятие, совокупность ценностных установок, определяющих нетрадиционный стиль поведения и образа жизни [9]. Термин «контркультура», таким образом, необходим, по мнению П. Уиллиса, для различения групп, которые активно противостоят ценностям доминирующей культуры и групп, которые этого не делают.

Интересно, что в настоящее время К. Коннер вновь выступил с критикой термина «субкультура», подчеркивая, что он не должен отождествляться с термином «девиация», т. к. это уравнивает, автоматически маргинализирует статус всех групп, подчеркивая их негативный характер, т. е. понимая все субкультуры как явление негативное [11].

Исследуемый термин «субкультура» в работах представителей Бирмингемской школы интересен еще и тем, что ряд ученых при его толковании принимал во внимание половые и расовые различия между людьми. Например, Д. Гарбер и А. МакРобби разделяли мужские и женские сообщества. Для них само понятие «субкультура» представляло собой «мужской термин», и входящие в субкультуру также были лицами исключительного мужского пола, для девушек авторы сформулировали понятие «культура спальни». Девушки ведь не рокеры или скинхеды, которые собираются в группы на улицах. Они, как правило, проводят время в узких компаниях у себя дома, в спальнях. П. Гилро, в свою очередь, обосновал положительный эффект от взаимодействий между субкультурами, состоящими из людей, имеющих различную расовую принадлежность.

С 1980 по 2000 г. исследователи пытались заменить термин «субкультура» новыми концептами, считая, что прежнее понятие перестало отражать изменившуюся объективную реальность и новые социально-экономические тенденции. Был предложен целый ряд понятий, призванных заменить «устаревшее» понятие субкультуры: неоплемена, стиль жизни, сцены, «милые» и др.

По мнению отечественного исследователя М. А. Кудряшова, все эти концепты объединяются общим понятием «флюидность», под которым подразумевается размытость культурной идентичности, необязательность участия в сообществе, сводящегося к обычному потребительскому выбору — в противоположность ригидности, перманентности, «твердости», «кристалличности» классических субкультур в их толковании до 80-х гг. XX в. [2].

Представления о молодежных группах как о «неоплеменах» (англ. neotribes, от neo + tribes → neotribes) были предложены М. Маффесоли, впоследствии развиты З. Бауманом и Э. Баннетом. Неоплемена — это гибкие, эгалитарные, бесклассовые, «летучие», нестабильные временные социальные группы, интенсивно объединяющиеся для какой-либо потребительской цели на основе общности духа, интересов, мировоззрения, стиля жизни, а затем рассеивающиеся, переходя в состояние фрагментированной анонимности, которая характеризует обычную социальную жизнь. Принято считать, что они возникли благодаря бурному развитию цифровых технологий и интернета. На наш взгляд, неоплемена нельзя считать адекватной альтернативой субкультурам, так как молодежь объединяется в неоплемена не для формирования и высказывания какой-либо жизненной позиции, не для протеста, а для достижения неких утилитарных, потребительских интересов.

Разработанная калифорнийским Стэнфордским исследовательским институтом в 1978 г. модель VALS (values and lifestyles — ценности и жизненные стили), основанная на теории иерархии потребностей А. Маслоу, породила такой субкультурный концепт, как «стиль жизни» (lifestyle). Это набор потребительских предпочтений, которые свободно выбирает человек, таким образом конструируя свою идентичность [2]. Р. Хэнфлер, Б. Джонсон и Э. Джонс считают, что субкультура «стиль жизни» представляет собой концептуально новую категорию, применимую к целому ряду различных видов деятельности [13]. Согласно данной точке зрения, индивид выступает здесь в качестве потребителя, может выбирать себе субкультурное направление по желанию и менять в зависимости от настроения. Однако, как отмечает М. А. Кудряшов, теоретики «стиля жизни» забывают, что до сих пор в обществе остаются «структурные ограничения», которые не позволяют многим людям предаться «свободной игре» с идентичностями: это бедность, аддикции, психические состояния, физические недостатки, неравный доступ к образованию и к медицинским услугам [2].

Научные изыскания Б. Шанка, а впоследствии У. Строу привели к формированию такого концепта, как «сцена» — «естественно образовавшееся» локальное сообщество, обладающее характерными практиками производства и потребления музыки и следующей из них социальной логикой [2].

В настоящее время эвристический потенциал концепта «сцена» развивает российский ученый Е. Омельченко, которая выделяет несколько дополнений к понятию «сцена». «Важно отделять концепт «сцена», который мы используем вслед за постсубкультурной традицией, от обыденного или театрального понимания сцены. ... Самым важным критерием культурной «сцены» будет не только и не столько фиксированное место, сколько наличие общих смыслов культурных практик, разделяемых всеми участниками. Преимущества и привлекательность понятия в большей степени раскрываются, когда мы говорим об исследовании городских молодежных культурных пространств в широком смысле как мест с закрепленной социальностью и особым режимом вовлечения участников, который значимо отличается от повседневных (рутинных, привычных) практик горожан» [3].

П. Вебб попытался разрешить споры по субкультурной теории, предложив термин «милieu», иначе «культурная среда» (milieu culture), которая признает текучесть и взаимосвязанность субкультурных образований и их обоснование в определенных местности и времени [14]. В случае музыки окружающая среда

(милье) индивидуума существует в «области культурного производства», описанной французским теоретиком П. Бурдьё, находящейся в диалектических отношениях с другими полями и средами. Окружающая среда (милье), как признает Вебб, несколько напоминает представление о «габитусе» Бурдьё, то есть о системе прочных приобретенных предрасположенностей индивида, в дальнейшем используемых им как исходные установки, которые порождают конкретные социальные практики, однако Вебб поясняет, что среда (милье) развивается, а габитус — нет. Понятия габитуса или среды (милье) не позволяют получить полное представление о причинах, роли и значении молодежных субкультур, так как габитус и среда порождают мысли, чувства, действия, детерминированные сложившимися социальными условиями. Создаваемая ими свобода условна, поэтому она не допускает создания чего-либо нового.

Недавние разработки П. Ходкинсона и Дж. П. Вильямса существенно оживили дискуссии вокруг термина «субкультура», аргументируя его дальнейшую полезность.

Британский социолог П. Ходкинсон ввел термин «(суб)культурная субстанция», обозначающий ценностную структуру, обеспечивающую устойчивость субкультурных групп в классическом понимании, то есть в каждом субкультурном объединении кроме индивидов, преследующих потребительские цели, существует прослойка «интенсивно вовлеченных в нее людей» [2]. Дж. П. Вильямс рассматривал идею континуума молодежной субкультуры, которая выступает как образование, имеющее три уровня: макро-, мезо- и микро- [8]. Также он предложил три измерения сопротивления субкультур: пассивный — активный, микро- макро и открытый — скрытый континуумы, но добавил, что любое протестное поведение может быть одновременно проанализировано через все эти парные содержательные категории [15].

Таким образом, развитие концепта молодежной субкультуры двигалось от понимания субкультуры как девиации к культуре потребителей, от поиска субкультуры, понимаемой как социальная группа с присущими ей «жесткими границами», к исследованию субкультурной субстанции, разнообразных практик, способов общения посредством музыки, обучения, других видов деятельности. Кроме того, в процессе осмысления феномена субкультур стало очевидно, что смысл их существования заключается в том, чтобы накапливать многообразный опыт мировосприятия на социально-групповом уровне. Субкультурное разнообразие общества есть свидетельство его жизнеспособности и устойчивости. Его нельзя воспринимать исключительно как проявление социальных кризисов происходящих внутри данной социальной системы. Наоборот, благодаря сосуществованию множества субкультурных образований обществу удается эффективно реагировать на изменения окружающей среды, давать адекватные ответы на «вызовы», поступающие как со стороны внешнего окружения, так и изнутри.

Примером, иллюстрирующим данный тезис, может послужить процесс формирования и развития молодежной этнической субкультуры в Республике Бурятия. Как пишет «Центральная газета», бурятскую «золотую» молодежь сегодня не привлекает бизнес родителей, ей не интересна торговля и политика, она обращается к истокам бурятской культуры: молодые люди шьют дизайнерскую одежду с этническими символами и тематикой, популяризируют бурятский язык, создавая программы на ТВ и радио, обучающие сайты в интернете. Это позволяет сделать вывод о том, в данном случае молодежная субкультура — это не толь-

ко не девиация, не протест против требований, ценностей и норм Большой культуры, но, напротив, попытка возрождения, сохранения исторической памяти, наследия предков. Это поиск новых возможностей и ресурсов для развития и существования культуры Большого социума. Это свидетельство того, что современная молодежь при определении своего места в мире позиционирует себя в качестве наследника, продолжателя обычаев, традиций, ценностных установок своего этноса, стремящегося к пониманию и переосмыслению давно сложившихся норм в контексте современных цивилизационных трансформаций. Обращение к прошлому для этих молодых людей — не дань моде, а способ идентифицировать себя и свою культуру, показать ее особенности, разнообразие и красоту.

Литература

1. Горбунова М. Ю. Символический интеракционизм как методологическое основание исследования эмоций в социологии [Электронный ресурс] // Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология. 2011. Т. 11, № 2. С. 10–15. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16816239> (дата обращения: 07.03.2018).
2. Кудряшов М. А. Субкультура и после нее: история фундаментального понятия молодежных исследований [Электронный ресурс] // Этнографическое обозрение. 2014. № 1. С. 23–32. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21282914&/> (дата обращения: 07.03.2018).
3. Омельченко Е., Поляков С. Концепт культурной сцены как теоретическая перспектива и инструмент анализа городских молодежных сообществ // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16, № 2. С. 111–132.
4. Омельченко Е. Л. Молодежные культуры и субкультуры. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2000. С. 73.
5. Орлова Н. А. Молодежные субкультуры: пособие для студентов. Томск: ТУСУР, 2007. 150 с.
6. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. 688 с.
7. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. М.: Феникс, 1994. 688 с.
8. Чибисова О. В. Взаимодействие молодежных субкультур Хабаровского края: автореф. дис. ... канд. культурологии. Комсомольск-на-Амуре, 2011. 24 с.
9. Чибисова О. В. Молодежные суб- и контркультуры [Электронный ресурс] // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnye-subi-kontrkultury> (дата обращения: 09.03.2018).
10. Clarke J., Hall S., Jefferson T., Roberts B. Subcultures, cultures and class // Resistance through rituals: young subcultures in post-war Britain. London: Hutchinson & Co, 1976. P.14.
11. Conner C. T. Electronic Dance Music: From Deviant Subculture to Culture Industry. PhD dissertation. University of Nevada, Las Vegas, 2015. URL: <http://digitalscholarship.unlv.edu/thesisdissertations/2528> (дата обращения: 04.02.2018).
12. Gordon M. The Concept of the Sub-Culture and Its Application // Social Forces. October. 1947. Vol. 1, No 26. P. 40–42.
13. Haenfler Ross, Brett Johnson, and Ellis Jones. 2012. Lifestyle Movements: Exploring the Intersection of Lifestyle and Social Movements. Social Movement Studies 11 (1): 1-20.
14. Webb P. Exploring the Networked Worlds of Popular Music: Milieu Cultures // New York and Abingdon: Routledge, 2007. 277 p.
15. Williams J. P. The Multidimensionality of Resistance in Youth-Subcultural Studies // The Resistance Study Magazine. 2009. Issue 1. P. 20–33.

DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF «YOUTH SUBCULTURE»
IN MODERN SOCIAL SCIENCE

Mariya V. Badmaeva

Dr. Sci. (Philos.), A/Prof.,

Buryat State University

24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia

E-mail: badmaeva_maria@mail.ru

Svetlana S. Sokolova

Research Assistant,

Buryat State University

24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia

E-mail: sokolovasvetlana.93@mail

The article deals with the evolution of the interpretation of "youth subculture" concept that reflects one of the most common phenomena in modern society. Particular attention is paid to consideration of this concept in Chicago School as deviant behavior, where the reasons for youthquakes and the causes of organization and existence of youth subculture movements are investigated. We have analyzed the bullet points of the representatives of The Birmingham Centre for Contemporary Cultural Studies, who believe that youth subculture does not always oppose the dominant system of values in society, and defended the idea of youth subcultures diversity. The article studies such contemporary notions of subcultures as neo-tribes, lifestyles, scenes, and milieu. It has been concluded that in modern society the fundamental changes in the nature of subcultures take place, and their diversity indicates the viability and stability of the social organism.

Keywords: society; social structure; subculture; youth subculture; ethnic subculture; Chicago School; The Birmingham Centre for Contemporary Cultural Studies; neo-tribes; lifestyle; milieu.